

Чавыкина Ю.О., аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

О ЗНАНИИ СОВЕТСКОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

chavykina.jul@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу некоторых изменений в словарном составе русского языка нового времени. Автор уделяет особое внимание рассмотрению новейших языковых процессов – неологизации и пассивизации, а также обращается к социологическому и историко-культурному контекстам. Особое место занимает экспериментальное подтверждение фактов архаизации актуальной лексики советского периода – советизмов. Их переход в пассивный запас лексического фонда языка происходит неравномерно относительно различных групп носителей языка при воздействии на этот процесс самых разных факторов, но прежде всего с учетом возраста и сформированной индивидуальной картины мира у различных социальных групп населения. Это продиктовано необходимостью изучения того, как изменения в семантике и прагматике подобных слов фиксируются общественным сознанием народа и индивидуальным сознанием представителей современной молодежи. Статья адресована преподавателям общеобразовательных и профессиональных средних и высших учебных учреждений.

Ключевые слова: русский язык, лексика, лексикография, семантика, прагматика, социокультурные факторы, эксперимент.

Современный русский язык представляет собой динамически развивающуюся систему, в которой все составляющие элементы взаимосвязаны. Говоря о том, что в языке сегодня происходят какие-либо изменения, необходимо отдавать себе отчет в том, что причины этих изменений не всегда лежат в области внутренних законов развития самого языка. Так, характеризуя современное состояние лексики, следует отметить, что предпосылки большинства семантических процессов имеют вневелингвистическую природу, иными словами, находятся в тесной связи с историко-культурной, социально-политической и экономической ситуацией в жизни общества.

Объектом нашего исследования являются процессы архаизации актуальной лексики советского периода – советизмов. Их переход в пассивный запас лексического фонда языка происходит неравномерно относительно различных групп носителей языка при воздействии на этот процесс самых разных факторов, но прежде всего с учетом возраста и сформированной индивидуальной картины мира у различных социальных групп населения.

В любом научном исследовании особую значимость приобретает проверка гипотез практикой. Л. В. Щерба справедливо указывал на тот факт, что при изучении живых языков проведение эксперимента исключительно важно, поскольку, построив из данных словарей «некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на фактах, то есть смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности» [7, с. 31-32].

При изучении уходящей из активного употребления лексики проведение эксперимента тоже важно: мы не можем установить факт деактуализации той или иной лексемы, основываясь лишь на данных современных словарей, не апеллируя к «живой» речи. Это продиктовано необходимостью изучения того, как изменения в семантике и прагматике подобных слов фиксируются общественным сознанием народа и индивидуальным сознанием носителей языка. При таком подходе мы ставим перед собой задачу установить и степень забвения советизмов разными социогруппами.

В проведении эксперимента по исследованию степени забвения некоторых деактуализированных лексем советского времени мы опирались на методику лингвистического анкетирования [2, с. 4]. Главной целью эксперимента для нас было изучение отражения в обыденном сознании носителей языка семантики и прагматики отобранных нами лексем.

Эксперимент проводился в форме группового анкетирования. В роли информантов выступили 153 человека от 15 до 35 лет, все они жители города Белгорода и Белгородской области. В исследовании были задействованы учащиеся старших классов средних школ г. Белгорода, студенты первого и второго курсов очного и заочного отделений историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

Суть эксперимента в следующем. Респондентам было предложено записать все известные им значения нами подобранных слов-стимулов. Разумеется, в рамках одного экспери-

мента не представляется возможным исследовать весь корпус наблюдаемой лексики, поэтому нами была произведена выборка слов, которые, на наш взгляд, можно считать диагностирующими. Предлагаемый учащимся и студентам список слов-стимулов состоял из девяти единиц и включал в себя следующие лексемы: *вредитель, диссидент, империалист, осведомитель, летун, несун, лишенец, оппортунист, туineaдец*. В ответах на вопросы испытуемые должны были опираться только на собственный языковой опыт, не задумываясь надолго и не обращаясь за ответом к словарям или другим источникам. Анкетирование проводилось в письменном виде анонимно с указанием пола и возраста опрашиваемого. Время выполнения задания было условно ограничено 25 минутами.

От информантов был получен разнообразный языковой материал (более 1000 ответов). Дадим краткую характеристику восприятию вышеперечисленных лексем нашими информантами.

66% респондентов определили слово *вредитель* следующим образом: «тот, кто приносит, причиняет моральный или физический вред; вредит кому-, чему-либо». Вторым по популярности стал ответ «насекомое, паразит, жук огородный, колорадский». Ни одна реакция не совпала с дефиницией «Контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить антисоветскую интервенцию» (ТСУ), что подтверждает факт «ухода» данного лексико-семантического варианта из активного словоупотребления в речи молодых людей.

На слово-стимул *диссидент* отреагировали 33% респондентов, из них 21% определили его как «предатель, отступник». Следующим по популярности стал ответ «инакомыслящий» (16% респондентов). Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что у некоторых опрошенных слово *диссидент* вызывало реакции, напрямую связанные с историко-культурными периферийными семами, а именно: «враг государства, зараженный иностранными идеями» (16%), «скрывается от власти», «выслан из страны», «иммигрировавший» (все по 5%). Это является верным доказательством того, что после распада СССР в 1991 году первичное значение «Лицо, принадлежащее не к тому вероисповеданию, которое господствует в стране» (ТСУ) перестало быть «идеологическим камуфляжем», а на фоне повышенного интереса к политическим просчетам и преступлениям большевиков и вовсе отошла на второй план в сознании носителей языка, хотя до сих пор фиксируется в современных

словарях «Рел. Верующий, отступающий от официального религиозного учения или не подчиняющийся церковной дисциплине» (ТСРЯ XXI).

Интересно, что в современном российском обществе наблюдается, можно сказать, болезненный, ностальгический интерес к истории советского периода, горячо поддерживаемый средствами массовой информации. С учетом этого примечательны некоторые конкретные случаи употребления в сети Интернет слова *диссидент* с ошибкой («дисидент», «дисидентки»), что само по себе является свидетельством расхождения между подлинным проявлением интереса к истории своей страны и неглубоким пониманием ее процессов. Слова, подобные рассматриваемому нами, продолжают употребляться в определенных контекстах, поэтому называть их деактуализированными в полной мере было бы ошибочно. В то же время они уже не имеют того объема значений, который был свойственен им 50 лет назад, что подтверждается сравнением словарных дефиниций досоветского, советского и постсоветского времени.

Как показали результаты проведенного эксперимента, слова-стимулы *империалист* и *осведомитель* вызвали у респондентов различные реакции непрямого и обобщенного характера. Половина опрошенных считает, что *империалист* – это «приверженец империи», 13% указали, что это «политический деятель». Появление данных реакций, вероятно, связано с установлением в сознании говорящих оппозиционных связей *империалист* – *республиканец* – *демократ* и т. п. Первая лексема оказалась ассоциативно связана с монархическим политическим строем: 25% респондентов уверены, что *империалист* – это «царь, император, у которого вся власть в одних руках». В советское время это слово употреблялось в значении «Политический или общественный деятель, ведущий политику империализма» (ТСУ), а лексема *империализм*, в свою очередь, имела следующую дефиницию в словарях советского времени: «Капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами (определение В.И. Ленина)» (ТСУ). Лишь 8% реакций подтвердили наличие в языковом сознании носителей языка советского идеологического компонента «капиталист».

Самыми частотными реакциями на стимул *осведомитель* стали определения «тот, кто общается, осведомляет кого-либо о чем-либо» и «информатор, распространяет, рассказывает,

передает информацию другим» (41% и 21% соответственно). Реакция «доносчик, стукач» выявлена лишь в 14% случаев. Интересно, что 8% респондентов связали значение данного слова со значением лексем *ознакомитель*, *консультант*. Этот факт говорит о смешении в сознании говорящих смысловой структуры двух различных по значению глаголов *осведомлять* – «сообщать сведения, известить» (ТСУ) и *ознакомлять* – «сообщить сведения, дать некоторые знания» (ТСУ). Несомненно, лексические значения указанных слов совпадают в ядерной зоне своих смысловых структур, но ближе к периферии таких структур они расходятся, что проявляется в тончайших оттенках смысла и разном культурно-историческом наполнении прагматического содержания слов.

Аналогичный процесс выявляется при исследовании отражения в бытовом сознании семантики и прагматики слов *летун* и *несун*. В советские годы обе рассматриваемые лексемы имели резко отрицательную коннотацию. Так, в ТСУ слово *летун* имеет значение «перен. Рабочий или служащий, часто меняющий места работы, переходящий с одного производства на другое в погоне за большим заработком (нов. *неодобрит.*)». *Несунами* в Советском Союзе также неодобрительно называли людей, «совершающих мелкие хищения с места работы» (ТСРЯ XX). Большинство респондентов дали ответ обобщенного и неопределенного содержания на указанные слова-стимулы: *летун* – «кто-то или что-то летающее; летает, осуществляет полет» (55%), *несун* – «тот, кто что-то несет, носит» (58%). Остальные выявленные реакции представляют большой интерес для исследований в области психосемантики, поскольку они связаны с таким мыслительным феноменом как «внутренняя форма слова» (по А.А.Потебне, «внутренняя форма слова» – это смысл, унаследованный производным словом от производящего). Слова *летун* и *несун* вызвали в сознании опрошенных целый ряд ассоциаций, основанных на основе их внутренней формы. Так, лексема *летун* определялась как «летчик» (13%), «птица» (8%). 18% реакций оказались единичными: «самолет», «летучая мышь», «насекомое», «белка», «взбалмошный человек», «неуклюжий человек», «человек, который постоянно где-то летает». На стимул *несун* наблюдались следующие реакции: «грузчик, переносит грузы, вещи, предметы; сумку, багаж» (16%), «несет информацию», «курица – яйца несет» (5%). Единичные ответы: «аист», «нечестный человек», «несет на себе все тяготы жизни», «помощник». Таким образом, можно сделать вывод, что коннотативно-идеологическое приращение у слов

летун и *несун* фактически «стерлось» из генетической памяти молодых людей от 15 до 35 лет, а, возможно, знания подлинных значений этих слов и вовсе не было изначально в их словарном запасе и языковой компетенции. Поэтому в языковом сознании испытуемых по большей части возникают лишь те ассоциации, которые связаны с внутренней формой данных слов: *летун* ← *летать* и *несун* ← *нести*.

Анализ полученных результатов показал, что наличие сильной степени влияния внутренней формы слова на семантизацию слова-стимула характерно для всех реципиентов данного эксперимента. Так, слово-стимул *лишинец*: 27% опрошенных определили его так: «человек, лишенный имущества, свободы, возможностей, своего мнения». Вряд ли в этом случае можно говорить о знании советского значения «человек, лишенный избирательных и других гражданских прав в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу» (МАС-3) в чистом виде, так как речевые штампы официальной советской пропаганды (*эксплуататорский класс*, *рабочий класс*), вероятно, малоактивны в сознании молодых людей XXI века. В общем и целом можно говорить лишь о том, что в сознании русскоговорящих россиян могли остаться «осколки» коннотативно-идеологического приращения в словах-советизмах, и эти «осколки» актуализируются лишь при поддержке внутренней формы слова.

Для слова *оппортунист* было получено всего 8 определений, поскольку основная часть реципиентов написала возле него фразу «не знаю значения этого слова». Совершенно неожиданным для нас оказалось сохранение в языковом сознании значения этого слова, зафиксированное в ТСУ – «беспринципный человек» (25%). Конечно, доля подобных реакций невелика, но факт их существования доказывает, насколько прочно коммунистическая пропаганда проникла в сознание людей и насколько сложно и болезненно на самом деле протекает процесс утраты идеологических наслоений в семантике слов-советизмов. Остальные же реакции строятся на самых различных предположениях, включая и фонетическое сходство: *оппортунист* – тот, кто «следит за портом», «работает с аппаратами», «находится в апартаментах» (все по 5% и все такие ответы обусловлены влиянием звуковой оболочки слова и частично ложно осмысленной внутренней формой слова). Принимая во внимание столь малое количество реакций, можно сделать вывод об уходе лексемы *оппортунист* из активного словарного состава. Это подтверждают и грамматические ошибки,

допущенные респондентами в слове *оппортунист*: «*аппартунист*», «*апортунист*» и др.

Самый высокий процент реакций (98%) наблюдается у слова *туняедец*. Половина респондентов указала, что *туняедец* – «лентяй, ленивый человек, лодырь; бездельник», который «ничего не делает», а также «не работает, отлынивает от работы, уклоняется от труда» (25%), «живет за счет других, за чужой счет, на попечении кого-либо; нахлебник, иждивенец» (15%). Полученные результаты позволяют нам сделать вывод, что у данной лексемы имеется самый высокий процент тождества с дефинициями, приведенными в словарях советского времени: *туняедец* – «Человек, живущий на чужой счет, чужим трудом, бездельник, паразит, дармоед» (ТСУ).

Анализ результатов анкетирования доказывает, что процесс ухода слова не протекает в языке гладко, а отказ от «идеологической надстройки» происходит постепенно, вероятно, в несколько стадий. Судя по довольно высокой частотности некоторых реакций, можно сделать вывод, что некоторые номинации советской эпохи имеют потенциальную возможность просуществовать в речи россиян еще долгое время. Эксперимент показал, что процесс устаревания в среде деактуализированных лексем протекает по-разному, степень забвения у всех слов разнится от практически полного (например, *летун, несун, оппортунист*) до слабого (например, *туняедец*).

Рассуждая о причинах этого явления, мы склонны видеть их источник во внутренних механизмах самого языка, подразумевая, что процесс регулирования степени забвения происходит в языке сам собой и не осознается носителями языка как таковой. В огромном массиве уходящей лексики, безусловно, есть обозначения жизненных реалий настолько меткие, носящие «вневременной» характер, что язык не спешит отказываться от них. Результаты проведенного эксперимента, с нашей точки зрения, подтверждают этот тезис. Ввиду этого перед лексикографами появилась необходимость создания словарей и справочников, которые наиболее полно отражали бы состояние лексической системы русского языка последнего десятилетия. Это вызвано, по нашему мнению, не только подвижным характером самой лексики, но и некоторыми историко-культурными факторами, а именно постепенным «стиранием» из генетической памяти народа многих слов, отражающих реалии отечественной истории, в том числе и её советского времени. Следствием этого может стать отдаленность классического наследия ли-

тературы и публицистики предшествующих периодов духовной культуры россиян.

Чтобы избежать этого, необходимо знать и понимать прошлое нашей страны. В лингвистической науке широкое распространение получила точка зрения, согласно которой проникнуть в мировоззренческую систему прошлых лет можно через изучение языка конкретной эпохи. Эту важную мысль высказал еще академик В. В. Виноградов, который писал по этому поводу следующее: «Формы мировоззрений также эволюционируют, и едва ли воспроизведение идеологических систем прошлого возможно без помощи лингвистического анализа» [1, с. 6]. Данное утверждение, по нашему мнению, является абсолютно справедливым, так как объективное знание возможно лишь при глубоком, комплексном подходе к историческим процессам, служащим ключом к определению национальной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов, В. В. Слово как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5-34.
2. Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 193 с.
3. МАС-3 – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой; в 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985 1988.
4. ТСРЯ XX – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
5. ТСРЯ XXI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007.
6. ТСУ – Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова; т. 1 – 4. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935 1940.
7. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24 – 39.